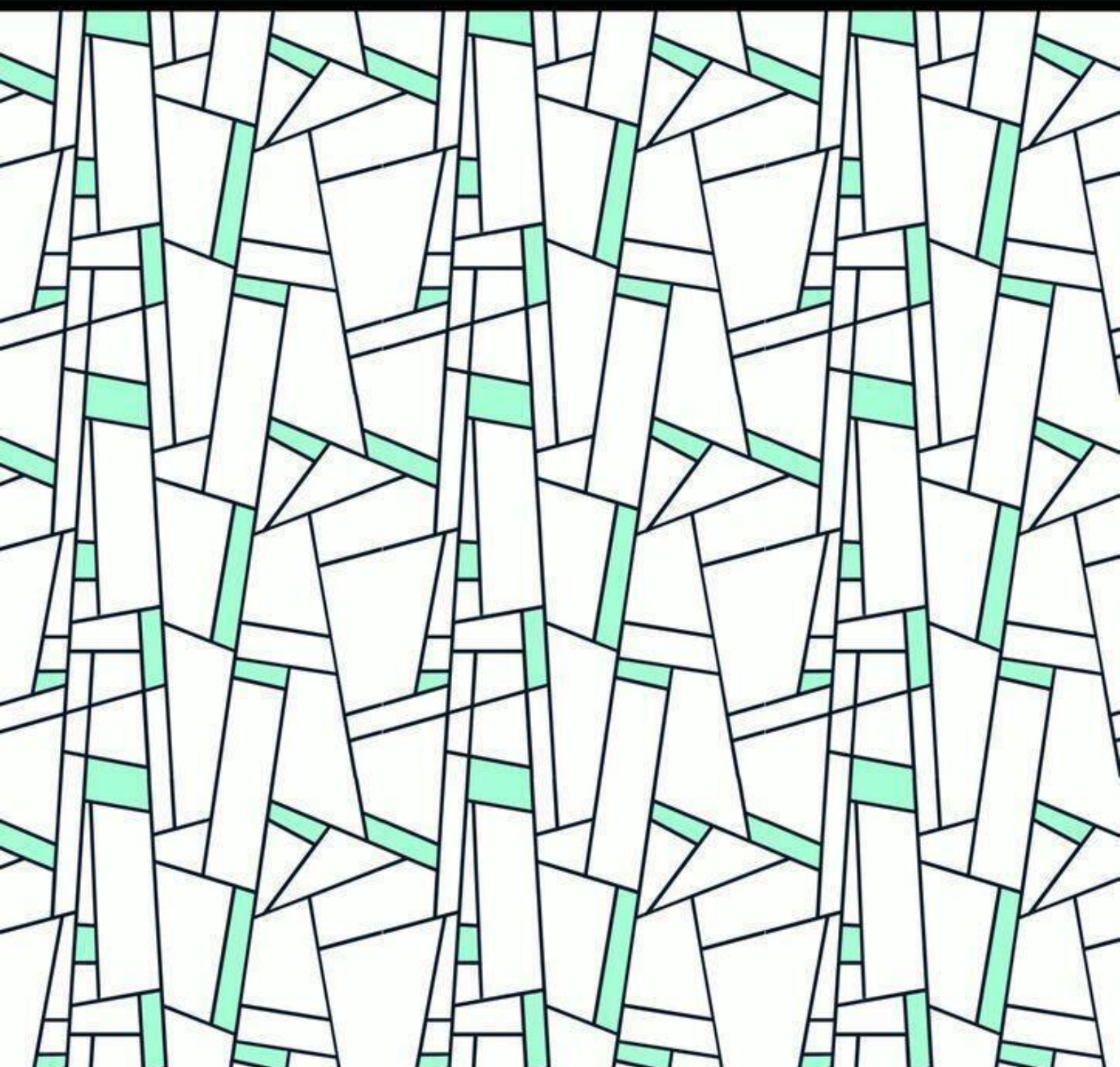

18+

МИХАИЛ МЯСНИКОВ

Голос за гранью ТИШИНЫ

Михаил Мясников

Голос за гранью тишины

«Издательские решения»

Мясников М.

Голос за гранью тишины / М. Мясников — «Издательские решения»,

Она видела то, что скрыто от глаз: гибель городов, рождение новых религий и судьбы людей, приходивших к ее порогу. Для одних она была святой, для других — шарлатанкой, а для спецслужб — ценным активом. Но кем она была на самом деле? Спустя десятилетия после её ухода журналист отправляется в дом Ванги в Петриче, чтобы написать книгу, отделив мифы от реальности. Туманное предсказание о городе, ушедшем под воду, становится прологом к трагедии подводной лодки «Курск».

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Голос за гранью тишины

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-5187-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Воздух здесь пахнет серой и нагретым камнем. Это не тот сладкий аромат розмарина, который я ожидал уловить в Болгарии, а тяжелый, минеральный дух земли, исходящий из горячих источников Рупите. Я выхожу из арендованной машины, хлопая дверью громче, чем планировал. Тишина вокруг мгновенно поглощает этот звук. Мой диктофон оттягивает карман легкой куртки — он кажется мне сейчас самым тяжелым предметом во вселенной.

Спустя десятилетия после её смерти это место всё ещё дышит ею. Вилла «Рупите», сложенная из грубого камня, возвышается на склоне холма, словно древний языческий храм. Никакой помпезности, никакой кричащей роскоши, о которой любят писать таблоиды. Только суровая простота. Именно сюда она удалилась в конце жизни, чтобы быть ближе к природе и той силе, что говорила с ней через огонь и землю.

Я приехал, чтобы написать книгу. Разобрать мифы. Отделить зерна пророчеств от плевел позднейших выдумок. Но стоя здесь, под этим низким балканским небом, я чувствую себя самозванцем. Как можно препарировать скальпелем логики то, что пропитало эту почву насквозь?

Ветер гоняет по двору сухие листья. Я прохожу мимо ограды, за которой виднеется часовня Святой Петки Болгарской, построенная самой Вангой. Говорят, она сама выбирала каждый камень для неё. Я представляю, как слепая женщина водила руками по шершавой поверхности глыб, пытаясь «увидеть» их суть. Абсурдная мысль для материалиста, но здесь, в Рупите, логика даёт сбой.

Мой первый собеседник ждёт меня в соседнем городке — Петриче. Георгий, бывший участковый милиционер. Сейчас ему уже за восемьдесят, и передвигается он с трудом, но ум его, по словам общих знакомых, остёр как бритва. Он был одним из тех, кто обеспечивал порядок у дома Ванги в семидесятых. Я договорился о встрече по телефону. Его голос звучал настороженно: «Писать будете? Ну-ну... Приезжайте. Расскажу, как оно было на самом деле. Без этих ваших фантазий».

Я сажусь обратно за руль. Дорога петляет между скалами. Городок Петрич встречает нас низкими домиками, увитыми виноградом, и ленивыми собаками, дремлющими в тени. Дом Георгия я нахожу быстро. Калитка открыта. Во дворе сушится бельё, пахнет жареным перцем и старым деревом.

Он сидит на веранде в плетеном кресле. Смотрит прямо перед собой, хотя слышит мои шаги. На столике рядом — стакан с водой и горстка таблеток. — Здравей, бай Георги, — говорю я, подходя ближе. — А, журналист, — он медленно поворачивает голову на звук моего голоса. Взгляд пустой, расфокусированный. Катаракта. — Садись. Не стой над душой. Водку будешь? Нет? Правильно. Для разговоров нужна ясная голова.

Я достаю диктофон, кладу его на стол между нами. Старик косится на чёрный пластиковый прямоугольник с нескрываемым неодобрением. — Эта штука ничего не меняет, — ворчит он. — Она записывает звуки. А я хочу рассказать тебе про тишину. Про ту звенящую тишину, которая наступала в комнате, когда она начинала говорить. Ты готов слушать тишину?

Я нажимаю кнопку записи и киваю. В этот момент я понимаю, что моя книга будет совсем не такой, какой я её задумывал.

— Мы привыкли считать, что она была слепая, — начинает Георгий, глядя куда-то сквозь меня, в прошлое. — Глупцы. Она была единственным зрячим человеком среди всех нас. Она видела страх в глазах министра, который пришёл просить совета. Видела ложь в улыбке жены партийного босса. Видела смерть... *Она просто смотрела другими глазами.* И когда она включала свой дар... — он делает паузу, тянется к стакану с водой, — ...вокруг неё будто образо-

вывался вакуум. Ни звука. Даже мухи переставали жужжать. Вот об этом ты должен написать. О том, чего нет в архивах КГБ.

Георгий замолчал, давая мне время осмыслить сказанное. Я смотрел на его морщинистые руки, сжимавшие стакан с водой, и понимал: это не тот старик, который будет пересказывать байки из газет. Он видел что-то настоящее, то, что заставило его, человека системы и протокола, спустя полвека говорить о «звнящей тишине».

— И что вы делали? — мой голос прозвучал слишком громко в этой вязкой атмосфере веранды. — Когда наступала эта... тишина?

— Стояли по струнке, — хмыкнул он, но глаза остались серьёзными. — Молчали. Боялись даже вздохнуть. Казалось, любой лишний звук может спугнуть момент или исказить смысл слов. А она сидела там, у себя, за занавеской. Иногда мы слышали её голос — глухой, безжизненный, словно говорил не человек, а сам дом. Она называла имена, даты... вещи, которые знать было невозможно. Министр тогда вышел от неё белый как полотно. Через неделю всё сбылось.

Я машинально нажал кнопку паузы на диктофоне. Не для записи. Мне нужно было мгновение, чтобы перевести дух. Это была уже не просто работа. Это было погружение.

Изначально я приехал сюда как хирург. Моя задача была проста и цинична: препарировать легенду. Я хотел написать книгу-разоблачение. Успех Ванги я считал идеальным кейсом для исследования психологии масс, работы спецслужб и человеческой доверчивости. Мой план был идеален:

Собрать все известные пророчества.

Сопоставить их с реальными событиями, доказав, что процент совпадений не выше статистической погрешности (эффект Барнума).

Найти бывших сотрудников КГБ/Державна сигурност, которые подтвердят, что к ней вносили нужных людей, а информация сливалась через сеть осведомителей.

Вывести красивую формулу: «Ванга = талантливый психолог + государственный проект + народное мифотворчество». Книга должна была стать бестселлером для скептиков.

Но теперь, сидя перед этим старым милиционером, я чувствовал, как мой скальпель ржавеет. Георгий не давал мне фактов для разоблачения. Он дарил мне атмосферу. Страх. Трепет. То самое иррациональное чувство, которое заставляет людей верить вопреки логике.

Моя цель начала меняться прямо сейчас, в эту секунду. Она мутировала из желания развенчать в потребность понять. Понять природу этого дара, если он существовал. Понять цену, которую платит человек за такое знание. Я больше не хотел писать книгу-вердикт. Я хотел написать книгу-портрет. Книгу-загадку, ответ на которую читатель должен найти сам.

Я снова включил запись. — Бай Георги, — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы говорите, она видела смерть. А радость? Она могла видеть простое человеческое счастье? Или только трагедии?

Старик долго молчал, глядя вдаль, туда, где за холмами скрывался её последний приют. — Счастье... — наконец протянул он. — Счастье не требует предсказаний, журналист. Люди приходят к провидцам не за тем, чтобы узнать, что завтра у них будет вкусный обед или любимая улыбнётся. Они приходят со страхом. А страх пахнет сильнее всего. Она отвечала на вопросы, которые задавал им их ужас. Но иногда... очень редко... когда ей самой хотелось, она говорила о хорошем. О детях, которые вернутся живыми. О выздоровлении. Но об этом помнят меньше. Людям интереснее сказки про конец света и гибель президентов.

Он был прав. В этом и заключалась главная ловушка. Мы запоминаем лишь то, что сбылось и напугало нас. Тысячи пустых прогнозов тонут в Лете, а одно точное попадание возводится в ранг чуда.

Я закрыл блокнот. Диктофон продолжал тихо гудеть, записывая наш разговор. Но я понял, что главные ответы лежат не в словах Георгия, и даже не в пыльных архивах Софии.

Главные ответы ждут меня там, наверху, в каменном доме, хранящем эхо чужих судеб. Моей новой целью стало прикоснуться к этой ауре, почувствовать ту самую тишину, о которой он говорил. И решить для самого себя: был ли это великий обман или величайшая трагедия одного слепого человека.

Георгий усмехнулся, услышав про КГБ. Это была не злая ухмылка, а скорее усталая улыбка человека, который много лет наблюдал за работой большой и неповоротливой машины.

— Проверяли? — переспросил он, наливая себе в стакан немного ракии из запотевшего графина. — Постоянно проверяли. Но не так, как ты думаешь. Не было никаких лабораторий с колбами и датчиками. Всё было проще... и хитрее. Они пытались её использовать, а для этого нужно было быть уверенным, что она не работает на кого-то другого.

Он сделал глоток и продолжил, глядя куда-то поверх моей головы.

Метод первый: «Слепой эксперимент» Самый частый метод. К ней отправляли двух людей. Одного — реального просителя, например, крупного инженера с завода, у которого пропал сын или были проблемы со здоровьем. Второго — нашего сотрудника или агента, который играл роль обычного посетителя. Он садился в очередь под вымышленным именем, с легендой, которую знал только куратор. Задача Ванги была сложной: находясь в комнате, она должна была отделить настоящего страдальца от фальшивки. Если бы она просто пересказывала то, что ей сливали информаторы по городу, она бы запуталась. Она же почти всегда безошибочно определяла, кому нужна помощь, а кто пришел с пустым любопытством или заданием. Для них это был знак: источник информации находится внутри неё самой, а не снаружи.

Метод второй: «Контрольная явка» Это уже моя епархия, милицейская. Иногда мы брали человека прямо с улицы. Случайный прохожий, водитель автобуса, продавец. Ему давали небольшую сумму денег и задание: прийти к Ванге и задать конкретный вопрос о событии, которое известно только нам. Например: «Что случилось с портфелем, который я потерял в парке на прошлой неделе?» Или: «Кто живет в квартире номер 45 по улице Ленина?» Мы заранее знали ответ. Её ответы записывали дословно, а потом сверяли с реальностью. Точность была пугающей. Иногда она описывала не только события, но и людей, которые их совершили, хотя никогда их не видела.

Метод третий: «Информационный карантин» Перед визитом очень важных персон (а к ней ездили все, от наших генералов до иностранных дипломатов) принимались особые меры. Человека, который должен был ехать к ней, изолировали. Его телефон прослушивался, конечно, но главное — его окружение. Родственников, коллег, друзей предупреждали: ни слова о цели визита, ни слова о личных проблемах. Любая утечка считалась провалом операции. И вот представь: человек приезжает, садится перед ней, называет только имя. А она начинает рассказывать ему о его тайном романе, о болезни матери, которую он скрывает, или о финансовых махинациях на работе. Вот тогда у начальства холодок бежал по спине. Потому что получалось, что никакой агентурной сети не нужно. Она знала всё сама.

Георгий замолчал, постукивая пальцами по столу. Я заметил, что диктофон давно выключен. Этот разговор не предназначался для записи. Это был рассказ старого служаки другому человеку, который пытается докопаться до сути.

— Но знаешь, что самое интересное? — он наклонился ко мне ближе, понизив голос. — Они проверяли её годами, составляли отчёты, строили графики совпадений. А когда получали подтверждение, что дар реален... они просто складывали эти папки в сейф. Использовать её предсказания на практике боялись. Ведь если ты знаешь, что завтра будет катастрофа, и ничего не делаешь, чтобы её предотвратить, — ты становишься соучастником. А если сделаешь — спугнёшь судьбу. Они выбрали самый безопасный путь: знать, но молчать. Поэтому большинство сбывшихся пророчеств всплыло наружу лишь спустя годы, когда изменить уже ничего было нельзя. Как с тем подводным крейсером...

Я смотрел на него и понимал, что мой первоначальный план написать книгу-скальпель трещит по швам. КГБ не развенчал миф Ванги. Наоборот, своими методами они подтвердили его реальность, но испугались этой реальности настолько, что предпочли спрятать доказательства подальше от глаз. Моя цель снова сместилась. Теперь мне нужно было найти тех, кто имел доступ к этим «молчаливым» архивам.

Георгий потёр переносицу, словно пытаясь стереть усталость от воспоминаний. Он налил себе ещё ракии, но пить не стал, просто грел стакан в ладях.

— Громкие предсказания... — повторил он эхом. — Люди любят говорить о конце света и глобальных катастрофах. Но самые страшные её пророчества были очень личными. Хотя да, было несколько таких, что прогремели на весь мир позже.

Он начал загибать пальцы, перечисляя: — **Курск.** Самое известное. Она говорила: *«Курск уйдёт под воду, и весь мир будет его оплакивать»*. Тогда все смеялись. Город Курск стоит на суше, вокруг него степи. Решили, что бабка выжила из ума или говорит какую-то чушь про затопление города после постройки плотины. Никто и подумать не мог об атомной подводной лодке «Курск». Когда это случилось в две тысячи втором году, я читал газеты и вспоминал её слова. Мир действительно плакал. Это был первый раз, когда я по-настоящему поверил, что она видит сквозь время. — **Башни-близнецы.** Она говорила о стальных птицах, которые нападут на «братских драконов», и с неба пойдёт огненный дождь. Звучит как бред сумасшедшего, если не знать, что произошло 11 сентября. Стальные птицы — самолёты. Братские драконы — башни Всемирного торгового центра, два гиганта-близнеца. — **Крым.** Задолго до всех событий, ещё при Советском Союзе, она говорила одной женщине, что Крым станет островом. Все опять посмеялись. А потом построили мост, а потом события развернулись так, что полуостров оказался отрезан от материка водой. Остров в политическом смысле, но ведь сбылось же.

Я слушал его, чувствуя, как по спине бежит холодок. Я приехал сюда развенчивать мифы, а вместо этого получал подтверждение самым жутким из них.

— Но почему? — спросил я, подавшись вперёд. — Георгий, вы сами сказали, ваши начальники получали подтверждения. Вы проверяли её точность. Если они знали о возможности подобных трагедий... Почему спецслужбы, обладая таким инструментом, не пытались ничего предотвратить?

Старик тяжело вздохнул и наконец сделал глоток ракии. Поморщился. — Ты мыслишь как журналист. Прямолинейно. Думаешь, знание будущего — это как карта сокровищ или инструкция по безопасности? Нет, сынок. Это яд. Слишком много переменных. Представь, что мы получили бы от неё стопроцентный прогноз о крупной железнодорожной аварии где-нибудь в Сибири. Что нам делать? Отменять все поезда на этом направлении? Эвакуировать людей из вагонов? Как объяснить это миллионам пассажиров и руководству страны? Паника будет страшнее самой катастрофы.

Он поставил стакан на стол и посмотрел мне прямо в глаза. — Второе. И самое главное. Предопределение. Они боялись нарушить ход вещей. Понимаешь? Если Ванга видела будущее, значит, оно уже существует. Оно зафиксировано. И любое наше вмешательство может вызвать эффект домино. Мы спасём один поезд, но тем самым спровоцируем аварию самолёта через час. Или вызовем политический кризис. Будущее — это хрупкая конструкция. Они считали, что попытка изменить увиденное Вангой может привести к последствиям, которые даже она не смогла бы предсказать. Это как пытаться вытащить одну карту из основания карточного домика.

Георгий откинулся на спинку кресла и снова уставился вдаль. — Был у нас один полковник... умный мужик. Так вот он говорил: «Мы не боги. Наша задача — не играть со временем, а собирать информацию. Её видения — это разведанные высочайшего уровня. Мы знаем слабое место противника или место будущей диверсии. Мы не отменяем событие, мы

готовимся к нему. Усиливаем охрану там, где нужно. Перенаправляем ресурсы. Делаем так, чтобы ущерб был минимальным, но само событие происходило именно так, как должно». Это цинично звучит, но для них это была высшая форма контроля. Контроль без прямого вмешательства. Позволить случиться неизбежному, но быть к этому готовым.

Я сидел молча. Картина складывалась чудовищная. Спецслужбы не игнорировали дар Ванги. Они превратили его в инструмент пассивного наблюдения. Они использовали её, чтобы знать будущее, но приняли решение быть лишь зрителями трагедии, а не её предотвращающими. Моя книга переставала быть расследованием. Она превращалась в хронику человеческого страха перед собственным знанием. Страхом настолько сильным, что он парализовал волю тех, кто считал себя хозяевами мира.

Георгий долго молчал, глядя в пустой стакан. Казалось, он взвешивает, стоит ли говорить дальше. — Громкие катастрофы — это для газет, — наконец сказал он тихо. — Это шум на весь мир. Но Ванга... она жила не глобальными событиями. Она жила чужой болью. Люди ехали к ней не как туристы. Они ехали умирать от страха или искать последнюю надежду. И чаще всего её пророчества касались того, что бьёт по самому больному.

Он поднял на меня выпуклые глаза.

Чаще всего? Смерть детей. Это было самое страшное и самое частое. Матери приводили ей фотографии сыновей-солдатиков, пропавших без вести. Отцы спрашивали о дочерях, уехавших учиться в другой город. И она говорила прямо. Без обиняков. «Жив», «мертв» или «найдется, но калекой». У неё не было жалости в нашем понимании. Жалость — это эмоции, а она была проводником информации. Сухим, жестоким, беспристрастным. Я видел, как женщины падали в обморок после этих слов. Видел, как седали мужчины за одну минуту. Для них это был конец света. Их личного, маленького конца света.

Тяжелые болезни. Особенно рак. Она видела их как тёмные пятна внутри человека. Говорила: «*Внутри тебя растёт гниль*». Иногда могла назвать точный срок. Человек выходил от неё с приговором и жил, отсчитывая дни до этой даты. И часто умирал именно тогда, когда она сказала. Самовнушение? Может быть. Но я думаю, она просто видела финишную черту, которую мы, здоровые, не видим.

Гибель в катастрофах. Не обязательно мировых. Разбившийся автобус где-нибудь под Пловдивом. Обвал в шахте. Крушение поезда местного значения. Она знала. И молчала, потому что предупредить всех невозможно, а предупредить одного — значит подписать ему приговор жить в ожидании смерти.

Я слушал его, чувствуя тяжесть в груди. Мой блокнот лежал нетронутым. Эти вещи нельзя записывать сухим канцелярским языком.

— А риски? — спросил я, хотя уже догадывался об ответе.

Георгий горько усмехнулся. — Спецслужбы видели риски совсем другого порядка. Им плевать было на слезы матерей, они мыслили категориями государственной безопасности. Главный риск для них был один — **потеря контроля**.

Он начал перечислять, загибая узловатые пальцы:

Паника. Представь, если бы она предсказала землетрясение в крупном городе. Что делать? Эвакуировать миллион человек? Куда? На основании чего? На словах слепой старухи? Начнется хаос, мародерство, транспортный коллапс. Государство, которое не может обеспечить порядок, теряет авторитет. Риск потери управления страной.

Манипуляция. Если информация о видениях Ванги станет публичной, кто угодно сможет использовать её имя. Террористы могут пустить слух через своих агентов, чтобы посеять панику и отвлечь силы полиции. Или наоборот, объявить ложную тревогу, чтобы проверить готовность спецслужб. Её дар становился оружием огромной разрушительной силы в чужих руках.

Политическая дестабилизация. Допустим, она говорит политику: *«Тебе осталось править год, потом тебя свергнут»*. Что сделает этот политик? Он начнет репрессии против оппозиции, введет чрезвычайное положение, чтобы удержаться у власти. Страна скатится в диктатуру из-за одного предсказания. Или наоборот, он опустит руки и перестанет работать. Система даст сбой.

Эффект самосбывающегося пророчества. Это самый тонкий момент. Если человеку сказать точную дату его гибели, он будет подсознательно идти к ней. Он будет бояться садиться за руль, переходить дорогу, его иммунитет упадет от стресса. Мы убьем его своим знанием. Спецслужбы понимали: знание будущего меняет будущее. И эти изменения непредсказуемы и опасны.

Старик замолчал. В саду стрекотали цикады, пахло нагретой землей. — Поэтому, — закончил он, — они решили стать архивариусами апокалипсиса. Записывать, анализировать, складывать папки в сейф. Знать всё, но ничего не предпринимать. Быть наблюдателями при неизбежном. Так безопаснее. Для государства. Для системы. Хотя, конечно, не для тех несчастных, которым она выносила свой личный приговор.

Георгий потёр подбородок, на котором проступила седая щетина. Он посмотрел на меня с прищуром, словно оценивая, готов ли я услышать нечто действительно важное, что выходит за рамки сухих отчётов и газетных статей.

— Про богатых... — протянул он. — Это был её личный бунт. Ты пойми, к ней ехали все: от колхозников до членов Политбюро. Но для богатых и власть имущих у неё был особый тариф — не в деньгах. Она их презирала.

Он сделал паузу, чтобы налить себе ещё ракии. — Они приезжали на чёрных «Волгах», увешанные золотом, с надменными лицами. Требовали предсказать курс валют, исход политических интриг, успех нового предприятия. Они хотели использовать её дар как инструмент для приумножения своего богатства. А она... она видела их насквозь. Видела их пустые души, их подлость, их страх потерять всё нажитое нечестным путём. И она мстила им. Не злобно, а холодно.

Как она это делала? Часто просто отказывалась говорить. Молчала и всё. Могла сказать что-то настолько туманное и бессмысленное, что они уезжали ни с чем, униженные. А иногда... иногда она давала им пророчество, но такое, что они не могли им воспользоваться. Например, говорила банкиру: *«Твои деньги будут в безопасности, но ты сам не сможешь ими воспользоваться»*. И через месяц он попадал в аварию и становился инвалидом. Или чиновнику: *«Твой новый дом будет самым красивым в городе, но ты в нём никогда не будешь счастлив»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.